

К 50-ЛЕТИЮ РУДН

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ПАВЛА ИВАНОВИЧА ПУЧКОВА (1930—2008)

Академик Российской академии естественных наук, доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов и Московского государственного лингвистического университета, руководитель Центра по изучению религий и этно-конфессиональному картографированию Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, лауреат Государственной премии и премии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.

Павел Иванович Пучков родился 8 февраля 1930 г. в г. Харбине (Китай). В 1951 г. окончил Хабаровский политехнический институт, а в 1961 г. географический факультет МГУ.

С 1964 г. Павел Иванович работал в Институте этнологии и антропологии РАН, являясь крупнейшим специалистом по картографии религий и конфессиональной ситуации в современном мире. В течение многих лет он возглавлял Отдел этнической демографии и картографии, Центр по изучению религий и этно-конфессиональному картографированию, руководил Группой этнической и конфессиональной картографии Института этнологии и антропологии РАН, являлся заместителем председателя Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте этнологии и антропологии и экспертом ВАКа.

Павел Иванович был членом экспертного совета Комитета по делам национальностей Государственной Думы Федерального Собрания РФ, экспертом Совета по взаимодействию с религиозными организациями при Президенте РФ. В 1987 г. он был удостоен звания Лауреата Государственной премии СССР и премии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, а в 1996—1997 гг. — государственной стипендии для выдающихся ученых. В 1996 г. он стал академиком РАЕН, а в 2002 г. указом президента ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Основными направлениями исследовательской работы П.И. Пучкова было изучение проблем этнического развития Австралии и Океании, разработка теоретических проблем этнографической науки, прежде всего в области классификации этносов, типологизация этносов и этнических процессов, изучение конфессиональной ситуации в современном мире. Он был заместителем главного редактора и автором многих статей в энциклопедическом справочнике «Народы и религии мира» научного издательства «Большая Российская энциклопедия», главным научным консультантом и экспертом проекта «Народы и религии мира».

Предложенные П.И. Пучковым новаторские методы исследования населения мира, комплексное этнографическое, географическое и демографическое изучение населения регионов, целостный анализ всех компонентов этнической ситуации были обобщены в его статьях и монографиях. За долгие годы научной деятельности им было опубликовано 580 научных трудов, в том числе 8 книг и 110 этнических и конфессиональных карт.

П.И. Пучков являлся соавтором законопроекта «Основы правового статуса коренных малочисленных народов России». Его труды издавались в России и за рубежом (в США, Франции, Германии, Испании и других странах). Его выступления на российских и международных научных съездах, конференциях и симпозиумах вызывали большой научный резонанс.

Павел Иванович вырастил несколько поколений учеников. Он читал лекции в Московском государственном университете, Санкт-Петербургском университете, Российском государственном гуманитарном университете, Государственном университете гуманитарных наук, Омском и Мордовском государственном университетах и других вузах, был профессором кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов и кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета.

Павел Иванович Пучков, по воспоминаниям одной из своих учениц Елены Борисовны Бариновой, был очень строгим и справедливым учителем. «На лекциях Павел Иванович очень много рассказывал, помнил огромное количество информации и при этом никогда не пользовался на уроках своими записями. Ребята слушали его, затаив дыхание, боясь пропустить что-то важное из того, что он говорил. Было невозможно себе представить, что кто-то в аудитории начал бы перешептываться или заниматься какими-то другими, не относящимися к занятию делами. Он никогда не требовал тишины или внимания. Но когда он входил в аудиторию, студенты моментально замолкали, просто иначе было не возможно. Его безмерно уважали и даже побаивались».

Запомнить и выучить даже часть из того, что он спрашивал, было крайне сложно. На экзамене студенты обязаны были знать не только основной материал, но и свободно ориентироваться по карте. Никто не смел не только переговариваться, но даже переглядываться. Если Павел Иванович замечал что-то подобное, то отправлял обоих студентов на переэкзаменовку.

Такое отношение к предмету очень дисциплинировало. Зато уж если удавалось сдать предмет успешно, то это было ощущение, что сделано большое дело.

Преподавая на старших курсах, Павел Иванович обращал особое внимание уже не столько на знание фактологии, а на умение анализировать материал. По-

степенно с удивлением студенты начинали понимать, что Павел Иванович видит в них не столько студентов, но уже коллег. Хотя еще совсем не опытных, но перспективных. А вера такого уважаемого учителя лучше всяких слов стимулировала к делу».

Павел Иванович Пучков внес огромный вклад в развитие отечественной науки, выступив основоположником двух новых научных дисциплин — географии религий и конфессионального картографирования. На его трудах по этнологии, картографии и религиоведению было воспитано целое поколение российских ученых, заложена научная база Всероссийских переписей населения. Его не стало 27 октября 2008 года. Память о нем сохранится в сердцах его коллег и учеников.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ:

Пучков П.И. Население Океании. Этнографический обзор. — М., 1967.

Пучков П.И. Формирование населения Меланезии. — М., 1968.

Пучков П.И. Современная география религий. — М., 1975.

Пучков П.И. Этническая ситуация в Океании. — М., 1983.

Пучков П.И. Этническое развитие Австралии. — М., 1987.

Пучков П.И. Этнос и религия // Этнические процессы в современном мире. — М., 1987.

Исчезнувшие народы. Сборник статей / Под ред. П.И. Пучкова. — М., 1988.

Пучков П.И. Некоторые проблемы протоэтногенеза. — В кн.: Исчезнувшие народы. — М.: Наука, 1988.

Пучков П.И., Казьмина О.Е. Религии современного мира. — М., 1997.

Казьмина О.Е., Пучков П.И. Основы этнодемографии. — М., 1994.

Предлагаем вниманию читателей материалы из статьи П.И. Пучкова, опубликованной в сборнике, любезно предоставленной нам для публикации О.Е. Казьминой.

Старший научный сотрудник
Центра евразийской археологии
Института этнологии и антропологии РАН
Е.Б. Барина

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПОНЕНТ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ

П.И. Пучков

Этнические и конфессиональные общности являются разными видами социокультурных общностей людей и далеко не всегда бывают тесно сопряжены друг с другом. Более или менее крупный этнос лишь в редких случаях бывает по своей религиозной структуре моноконфессиональным, и, наоборот, для большинства значительных конфессиональных общностей характерна полиэтничность. Если конфессиональная разнородность народа возникла сравнительно давно (например, не-

сколько сот лет назад), то культурные традиции, характерные для разных конфессий (особенно если они по вероучению и культу достаточно далеки друг от друга), накладывают на облик различных конфессиональных групп внутри одного этноса довольно сильный отпечаток. У них часто появляется четкое осознание своей «особости». В результате обычная конфессиональная группа в рамках этноса превращается в группу этноконфессиональную.

Концепция о существовании социокультурных организмов особого типа, названных этноконфессиональными группами, была предложена в российской этнологической и религиоведческой науке в конце 60 — начале 70-х гг. XX в. Н.Н. Чебоксаровым, С.И. Бруком, А.Н. Ипатовым и автором данной главы в результате изучения ими взаимодействия этнических и религиозных традиций, этнического и религиозного самосознания. Было отмечено, что конфессиональные группы превращаются в группы этноконфессиональные лишь в тех случаях, когда они приобретают особые, только им присущие этнические (а не только конфессиональные!) свойства. При этом, с одной стороны, этнические явления, свойства (прежде всего ряд элементов культуры и быта) в течение длительного взаимодействия впитываются культом, становятся его составными элементами, «конфессионализируются», а, с другой стороны, отдельные компоненты культового комплекса, особенно его ритуалы, религиозные обычаи и традиции, проникая в национальные формы общественной жизни посредством слияния с народными верованиями, приобретают характер этнических явлений, «этнизуются».

При этом существуют две разновидности этноконфессиональных общностей. Первая из них — субэтноконфессиональные общности, когда внутри какого-нибудь этноса появляется группа, достаточно четко отличающаяся от основного массива этноса по своей конфессиональной принадлежности и ряду элементов культуры (например, аджарцы-мусульмане среди основного, православного массива грузин). Вторая разновидность (значительно реже встречающаяся) — метаэтноконфессиональная общность, когда несколько разных, живущих по соседству народов настолько сближаются на почве единства религии, что начинают осознавать себя единым целым, не утрачивая при этом и своего прежнего этнического самосознания (например, так называемые моро на Филиппинах, объединяющие близкие по языку и культуре мусульманские этносы). В связи с некоторой неопределенностью в русском языке компонента «мета-» в сложных словах, вероятно, лучше называть такого рода общность мегаэтноконфессиональной, а не метаэтноконфессиональной (как это делалось прежде).

К сожалению, существование в мире этноконфессиональных общностей пока не вызвало должного внимания ученых и ни у нас, ни за рубежом до сих пор не появились научные работы, специально посвященные этой проблеме. Дело усугубляется тем, что сам термин «этноконфессиональный», широко ныне используемый в научной литературе, понимается различными учеными неодинаково, причем порой с полным искажением семантики этого слова.

В связи со всем этим представляется полезным, не претендуя на исчерпывающую полноту материала, хотя бы коротко ознакомить читателя со всеми более или менее значительными этноконфессиональными общностями разных регионов мира, начав, естественно, с нашей страны.

При этом нужно учитывать, что многие субэтноконфессиональные общности имеют тенденцию к превращению в полноценные, вполне самостоятельные народы, причем порой этот процесс зашел уже так далеко, что трудно с уверенностью сказать, что перед нами: субэтноконфессиональная общность или молодой, недавно сформировавшийся народ. Тенденцию к превращению в самостоятельный этнос могут форсировать благоприятствующие этому дезинтеграционные процессы. В этом случае в конечном итоге может произойти этническая сепарация (отделение) группы от «материнского» этноса и превращение ее в самостоятельный народ. Бывает также, что этнос в результате действия дезинтеграционных факторов распадается на две и более сопоставимые по численности части, причем ни одна из них не претендует на прямую преемственность от «материнского» этноса. В качестве примера можно привести распад некогда единой сербско-хорватской этноязыковой общности на четыре этноса: сербов, хорватов, черногорцев и славяно-мусульман (иногда не совсем верно называемых боснийцами). Такой этноразделительный процесс П.И. Пучков и Ю. В. Бромлей предложили называть этнической парциацией.

В Европе субэтноконфессиональные группы имеются далеко не у всех крупных народов, хотя многие из них и поликонфессиональны. Так, в Германии есть две крупные сопоставимые по численности конфессиональные общности: лютеране (вместе с реформатами) и католики. Однако их никак не назовешь этноконфессиональными, так как по своей культуре они почти ничем не отличаются друг от друга. Нет существенных культурно-бытовых отличий и между реформатами и католиками в таких странах, как Нидерланды, Швейцария, Венгрия. Зато у такого народа, как албанцы, различие в религии (в Албании распространены ислам, православие и католицизм) привело к появлению трех субэтноконфессиональных групп: албанцев-мусульман, албанцев-православных и албанцев-католиков. Еще более серьезную роль религия сыграла в этническом развитии некогда общей сербско-хорватской территории в северо-западной части Балканского полуострова, где из единого прежде этноязыкового массива сформировались четыре разных народа: православные сербы, православные черногорцы, католики-хорваты и так называемые славяно-мусульмане.

В Болгарии на юге страны в результате насильственной исламизации возникла субэтноконфессиональная группа болгарпомаки, или болгаро-магометане. На северо-западе Италии в пограничных с Францией горных районах нашла укрытие от жестоких религиозных гонений небольшая группа ранних борцов с католицизмом — вальденсов, начавших с XVI в. совершать богослужение на франко-провансальском диалекте. Позднее этот диалект был заменен на французский литературный язык, а в XIX в. богослужение было переведено на итальянский язык. Сейчас эту маленькую группку дореформационных протестантов следует, скорее всего, считать субэтноконфессиональной группой итальянского народа.

Субэтноконфессиональные группы, по-видимому, имеются и в Прибалтике. Это занимающие восточную часть Латвии латгальцы, большинство которых в отличие от остальных латышей исповедует не лютеранство, а католицизм. Невольно возникает вопрос, почему немцев-католиков трудно считать субэтноконфессио-

нальной группой, а латышей-католиков можно. Дело, по-видимому, заключается в том, что протестанты и католики в Германии, если не считать религию, были на протяжении многих веков достаточно тесно связаны друг с другом в культурном и в политическом отношении (хотя в Германии и существовало большое число государств), а между протестантами и католиками Латвии культурные связи по разным причинам не были тесными.

Другой субэтноконфессиональной группой в Прибалтике являются сету, живущие на юго-востоке Эстонии и в примыкающем к этой территории Печерском районе Псковской области России православные эстонцы. Следует, впрочем, отметить, что православие исповедуют не только сету, но и часть эстонцев в других районах Эстонии (на острове Сааремаа, некоторых других островах и вокруг озера Выртсъярв, где они были поселены в 60-х гг. XIX в.). И, тем не менее, если сету, вне всякого сомнения, можно признать особой субэтноконфессиональной группой эстонцев, то относительно других православных эстонцев такого не скажешь. Причина этого состоит в том, что сету уже на протяжении многих веков исповедуют православие, другие же православные эстонцы приняли свою теперешнюю веру сравнительно недавно.

Если в Европе субэтноконфессиональные группы встречаются не очень часто, то в Западной Азии их довольно много. И это несмотря на то, что этническая структура населения в странах этого региона не отличается большой сложностью. Особенно это касается арабских стран Юго-Западной Азии. Как известно, подавляющую часть населения в большинстве этих стран составляют арабы-мусульмане. Существенное по численности неарабское население имеется лишь в Ираке. Хотя ислам представлен в этих странах разными направлениями, в большинстве случаев конфессиональные различия между данными направлениями не столь существенны, чтобы вызвать культурное, а тем более этническое обособление разных мусульманских групп.

Несколько сложнее ситуация в тех странах, где среди коренного арабского населения имеется значительное число христиан (в Сирии, Ливане, Палестине, Иордании, Ираке). В Ливане и Сирии конфессиональная ситуация осложняется еще и наличием в этих странах мусульманских конфессий, существенно отделившихся по своему вероучению и культуре от основных направлений ислама — суннизма и шиизма аль-иснаашария.

Население Ливана при относительной простоте этнического состава имеет сложную религиозную структуру. Как известно, в этой стране представлено значительное число конфессиональных групп, ни одна из которых не образует абсолютного большинства населения: шииты-двунадесятники (аль-иснаашария), сунниты всех четырех правоверных мазхабов (ханафитского, шафиитского, маликитского и ханбалитского), друзы, нусайриты, марониты, православные, греко-католики и др. Вероятно, не все из конфессиональных общностей, на которые подразделяются ливанские арабы, можно назвать отдельными субэтноконфессиональными группами, но по крайней мере марониты и друзы ими, бесспорно, являются. Национальное меньшинство Ливана — армяне — по конфессиональной принадлежности в основном армяно-григориане, хотя есть среди них также небольшое число армяно-католиков и протестантов. Однако существенных культур-

ных различий между представителями этих деноминаций нет и они не образуют отдельные субэтноконфессиональные группы.

В Сирии при подавляющем большинстве арабского суннитского населения имеются и группы арабов, принадлежащих к иным течениям ислама: нусайриты (али-илахи), играющие очень большую политическую роль в стране (два последних президента — предшествующий и нынешний — нусайриты), друзы, исмаилиты. Есть среди сирийских арабов и разные группы христиан: православные, яковиты, греко-католики, сиро-католики и др. Из перечисленных конфессиональных общностей характер отдельных субэтноконфессиональных групп, скорее всего, имеют нусайриты и друзы. У сирийских армян конфессиональная структура сходна со структурой ливанских армян. Сирийские курды преимущественно мусульмане-сунниты, но среди них резко выделяются езиды. Езиды, как и в других странах, где живут курды, образуют весьма обособленную субэтноконфессиональную группу, возможно, уже сейчас трансформирующуюся в самостоятельный этнос (как это уже произошло в России и других странах СНГ).

В Палестинском государственном образовании, как известно, подавляющее большинство населения составляют арабы. Основная масса их — мусульмане-сунниты, хотя имеется и существенная группа арабов-христиан, принадлежащих к разным христианским деноминациям: православным, различным группам католиков и протестантов и т.д. Конечно, далеко не каждая из перечисленных конфессиональных общностей является также отдельной субэтноконфессиональной группой, однако вместе палестинские арабы-христиане, возможно, такую группу и образуют.

Почти аналогичная этническая и конфессиональная ситуация наблюдается и в Иордании, где подавляющее большинство населения составляют местные арабы-сунниты, но наряду с ними есть также арабы, придерживающиеся различных течений христианства.

Сложнее этноконфессиональная картина в Ираке, где помимо арабов имеются курды, составляющие не менее $\frac{1}{5}$ населения страны, а также представители других народов. Иракские арабы в подавляющем своем большинстве исповедуют ислам в форме шиизма (примерно $\frac{2}{3}$) или суннизма (приблизительно $\frac{1}{3}$), причем эти две мусульманские общины здесь достаточно обособлены. Имеются в Ираке и несколько конфессиональных групп арабов-христиан, но их численность невелика. Определить, какие из конфессиональных групп иракских арабов носят этноконфессиональный характер, без специального исследования затруднительно, но все же можно предположить, что такой характер имеют все перечисленные группы. И уж безо всяких оговорок можно квалифицировать как субэтноконфессиональную группу живущих на юге страны мандейцев, говорящих на арабском языке (при сохранении в качестве богослужебного особого семитского мандейского языка) и исповедующих древнюю синкретическую религию. Курды Ирака также неоднородны в конфессиональном отношении. Основная их часть — мусульмане-сунниты, однако есть в их числе и мусульмане-шииты, а также езиды. Последние, как и в Сирии, сильно выделяются среди остального курдского населения и, возможно, уже находятся в состоянии трансформации в отдельный этнос.

Что касается населения Аравийского полуострова, то оно, будучи в подавляющем большинстве мусульманским, не совсем однородно в конфессиональном отношении. В качестве примера можно привести конфессиональную ситуацию в Саудовской Аравии, Йемене и Омане. Так, в Саудовской Аравии при полном политическом господстве в стране ваххабитского варианта ханбалитской богословско-правовой школы (мазхаба) достаточно широко представлены и другие суннитские мазхабы (и особенно шафиитский в Хиджазе и Асире), а также шииты (имамиты, исмаилиты, зейдиты). Однако, несмотря на определенную специфику в понимании ислама ваххабитами и некоторые их культурно-бытовые особенности, эти отличия все же не столь существенны, чтобы считать их особой субэтноконфессиональной группой арабов. Не столь значительны культурно-бытовые отличия и между шиитами-зейдитами, с одной стороны, и суннитами-шафиитами Йемена — с другой, между господствующими в Омане хариджитами-ибадитами и живущими по соседству с ними суннитами-шафиитами, что также не дает достаточных оснований считать эти группы населения Йемена и Омана отдельными субэтноконфессиональными группами.

Представляет интерес и этнический статус такой расселенной в разных странах Юго-Западной Азии этноязыковой общности, как ассирийцы. В отличие от других небольших этнических общностей этого региона ассирийцы не потеряли свой родной язык, хотя обычно хорошо владеют и языком более крупного народа, по соседству с которым они живут. Приняв после Вселенского Эфесского собора несторианство, которое было в 431 г. осуждено как ересь, они существенно обособились от окружающего населения и стали складываться не как субэтноконфессиональная группа, а как самостоятельный этнос. Их этническому единству и самобытности не помешали даже происходившие позже в их среде расколы (вначале от них отделились так называемые халдеи — католики-униаты халдейского, или восточносирийского, обряда, а затем и небольшое число ассирийцев, принявших православие или протестантизм). В настоящее время группы ассирийцев (включая халдеев и представителей других отколовшихся от них групп) живут в небольшом числе в Ираке, Сирии, Турции, Грузии, Армении, Иране и других странах.

В Иране есть еще один этнос, в формировании которого решающую роль сыграла религия. Это «гебры», как уничижительно называют мусульмане Ирана группу населения Персии, сохранившую после арабского завоевания не только свой родной язык, но и свою древнюю религию — зороастризм. Несмотря на единый с персами-мусульманами язык и близкую культуру зороастрийцев, вряд ли можно считать их субэтноконфессиональной группой, так как века противостояния и жестоких преследований «гебров» со стороны Персидского государства очень сильно отдалили друг от друга эти этнические общности.

Самостоятельным этносом, по-видимому, являются и зороастрийцы, предки которых несколько столетий назад мигрировали в Южную Азию и которые ныне известны под названием парсов. Перейдя с персидского на индоарийский язык гуджарати и этим в значительной степени обособившись от иранских зороастрийцев, парсы тем не менее не стали субэтноконфессиональной группой гуджаратцев

(большая часть которых по религии индуисты, меньшая часть — мусульмане), так как религия и культура их сильно отличались от религии и культуры гуджаратского народа. Таким образом, их можно считать вполне самостоятельным этносом, отличным как от гуджаратцев, так и от «гебров» Ирана.

Религия стала «разграничителем» и внутри некоторых других этносов Южноазиатского субконтинента. Правда, во многих случаях она все же не создала новые этносы, а лишь разделила старые на субэтноконфессиональные группы. Такие группы появились, например, среди упомянутых выше гуджаратцев (гуджаратцы-индуисты и гуджаратцы-мусульмане), а также у синдхов, передача этнической территорий которых Пакистану во время раздела Британской Индии привела к массовому бегству синдхов-индуистов из этой созданной по религиозному признаку страны.

В некоторых случаях религиозный фактор привел к распадению этноса даже не на две, а на три субэтноконфессиональные группы. Так, внутри 35-миллионного дравидийского (южноиндийского) народа малаяли в соответствии с разделением его по религиозной принадлежности на индуистов (почти $\frac{3}{5}$ всех малаяли), мусульман (свыше $\frac{1}{5}$) и христиан (около $\frac{1}{5}$) сложились три хорошо прослеживаемые субэтноконфессиональные группы.

Помимо группы мусульман-малаяли, именуемых обычно мапилла или мопла, в Южной Индии есть еще субэтноконфессиональная группа мусульман-тамилов, которых обычно называют лаббаи и которые составляют свыше 5% всего тамильского населения.

Еще более глубокое влияние на этническое самосознание оказала религия у одного из наиболее крупных народов Южноазиатского субконтинента — панджабцев. Панджабцы исповедуют три религии: ислам (около $\frac{3}{4}$ всего их числа), сикхизм (около $\frac{1}{5}$) и индуизм (около $\frac{1}{10}$). При разделе Британской Индии сикхи просили выделить их территорию в самостоятельное государство, но в этом им было отказано и предложено войти в состав либо Индии, либо Пакистана. Во время референдума сикхи, как и ожидалось, проголосовали за вступление в Индию, поскольку на протяжении многих лет они были известны как фанатичные враги мусульман (печальный результат истории сикхско-мусульманских взаимоотношений). Однако, войдя в состав Индии, сикхи вскоре стали выражать недовольство своим положением в этой новой стране и вновь выдвинули требование о предоставлении им независимости. Интересно отметить, что в развернувшейся сикхско-индийской борьбе сикхам стали негласно помогать их бывшие заклятые враги — мусульмане, а точнее, их государство — Пакистан. Как известно, сикхско-индийский конфликт привел к трагическим последствиям: вторжению индийских вооруженных частей в святилище сикхов Золотой храм в городе Амритсаре и в качестве отместки за это к убийству сикхами премьер-министра Индии Индиры Ганди.

В результате такого развития событий три субэтноконфессиональные группы панджабцев стали быстрыми темпами трансформироваться в отдельные этносы: западных панджабцев (мусульман), сикхов (не только как конфессиональной, но и как этнической общности) и восточных панджабцев (индуистов).

Четкую тенденцию к превращению из субэтноконфессиональных групп в отдельные этносы обнаруживают также две части бенгальцев — третьего по числен-

ности народа мира (207 млн человек). $\frac{3}{5}$ бенгальцев (в основном живущие в Бангладеш) — мусульмане, $\frac{2}{5}$ (преимущественно сосредоточенные в Индии, в плате Западная Бенгалия) — индуисты. Более чем полустолетнее существование в составе разных государств с разной религиозной идеологией привело к тому, что эти две части бенгальцев, существовавшие прежде как две субэтноконфессиональные группы бенгальского народа, стали довольно быстро трансформироваться в два отдельных этноса.

Ряд субэтноконфессиональных групп достаточно четко выделяется и в некоторых странах Юго-Восточной Азии, причем по крайней мере одна из них, по-видимому, уже превратилась в самостоятельный этнос. Это араканцы, очень близкие бама (бирманцам) по языку, но исповедующие, в отличие от бама, придерживающихся буддизма, в своем большинстве ислам. Официальное признание араканцев как самостоятельного народа получило отражение в их конституционном статусе в качестве территориальной автономии (была создана «национальная область Ракин»).

Есть субэтноконфессиональные группы и во Вьетнаме. Это прежде всего две группы национальных меньшинств Вьетнама — чамов (тямов). Примерно $\frac{1}{2}$ этого народа исповедует ислам, несколько менее $\frac{1}{2}$ — индуизм. Принадлежность к столь сильно отличающимся друг от друга религиям наложила отпечаток на многие стороны культурной и социальной жизни этих субэтноконфессиональных групп, повлияв, в частности, даже на такую черту, как филиация. Если у чамов-индуистов счет родства ведется по материнской линии, то у чамов-мусульман — по отцовской. Следует отметить и некоторые различия в их названиях. Чамов-мусульман именуют пакс-чамами, чамов-индуистов — джатс-чамами. Сами же чамы-мусульмане предпочитают называть себя не чамы, а бани. Это самоназвание является производным от арабского «бени» — сыновья (подразумевается: «сыновья пророка Мухаммеда»).

Отдельные черты субэтноконфессиональных групп, по-видимому, приобрели некоторые из синкретических (новых) религий, возникших во Вьетнаме, и прежде всего две самые крупные из них — каодай и хоахао. Религии эти, появившиеся в XX в., довольно многочисленны и вместе насчитывают около 4,5 млн человек, образуя почти 6% населения страны. Первая из них, приверженцы которой составляют большинство населения в провинции Тэйнинь, является синтезом буддизма и христианства (в его католической форме) с включением некоторых элементов конфуцианства и даосизма. Вторая, получившая преимущественное распространение в дельте реки Меконг, была своего рода попыткой дать оригинальную интерпретацию не особенно характерного для Вьетнама буддизма тхеравады (во Вьетнаме, как известно, преобладает буддизм махаяны) с привлечением некоторых элементов других религий. Причиной такого обособления приверженцев каодай и хоахао от основной массы вьетнамцев был ряд различных факторов, в том числе и неизменные преследования, выпавшие на долю последователей этих двух «новых религий» со стороны сменявшихся, но обычно негативно к ним относившихся режимов (от французских колониальных властей до коммунистов).

В двух наиболее значительных по числу жителей восточноазиатских странах (Китае и Японии) с их феноменом поликонфессиональности (то есть с предоставленной человеку возможностью одновременно исповедовать две и более религии) вряд ли часто возникают причины для появления субэтноконфессиональных групп, хотя и там есть одна этническая общность, которую иногда признают как таковую. Это хуэй, третье по численности национальное меньшинство Китая, говорящее на разных диалектах китайского языка, но исповедующее ислам и считающее себя отдельным народом. Хуэй расселены очень дисперсно, и хотя для них создан отдельный Нинся-Хуэйский автономный район, большинство их живет за его пределами. Происхождение этой этнической общности не вполне ясно, и существует несколько различных концепций ее этногенеза. Хуэй официально признаются китайскими властями отдельным народом, однако некоторые этнографы склонны тесно связывать их с китайцами (ханьцами). И все же, видимо, есть больше оснований считать хуэй, по крайней мере в настоящее время, отдельным народом, а не субэтноконфессиональной группой китайцев. У них сильно развито этническое самосознание, браки обычно заключаются внутри своей этнической общности, практически во всех более или менее значительных населенных пунктах Китая для китайцев и хуэй существуют отдельные рестораны и харчевни, причем эти места общественного питания специально обозначены (перед китайским заведением висит бумажный опознавательный знак красного цвета, перед хуэйским — синего). Имеется немало культурных и бытовых особенностей, по которым китайцы и хуэй существенно различаются между собой, хотя внешне их отличить довольно трудно.

В Африке субэтноконфессиональных групп в настоящее время немного, причем все они находятся в северной ее части.

Это прежде всего копты (египетские христиане, преимущественно придерживающиеся монофизитского направления), раньше говорившие на коптском языке, вытесненном в XVI в. арабским языком и ныне выполняющим лишь функции литургического языка (наряду с арабским). Иногда живущую на востоке Эфиопии в городе Харэр этническую общность адере, или харари, говорящую на языке, близком к амхарскому, считают субэтноконфессиональной группой амхара — основного народа Эфиопии, которая обособилась из-за религиозных различий (амхара — христиане-монофизиты, а адере — мусульмане-сунниты).

Закончив рассмотрение субэтноконфессиональных групп Старого Света (Европы, Азии и Африки), перейдем к регионам, относимым к Новому (Америка) и Новейшему (Австралия и Океания) Свету. В формировании этнического состава населения этих регионов (после прихода туда европейцев) и распространении в них новых религий есть много общего, что позволяет рассматривать все эти регионы как одно целое. К моменту прихода европейцев большая часть Америки, Австралии и Океании еще находилась в стадии первобытности, этносы здесь были по большей части очень малыми и никаких субэтноконфессиональных групп внутри них, конечно, не возникало. Весьма своеобразен был и процесс формирования здесь новых, европейских по происхождению или метисных (смешанных) народов. Обычно такой новый народ формировался из нескольких (нередко очень многих) компонентов. Иногда это были более или менее близкие

между собой компоненты, но нередко и компоненты весьма различные. Пример сложения нации из очень многочисленных, сильно различающихся между собой компонентов — американцы США, из более или менее однородных компонентов — англоновозеландцы. Естественно, что в таких нациях, сложившихся в результате миграции разных этнических элементов, обычно существуют субэтнические группы, причем если такая группа однородна не только в этническом, но и в конфессиональном отношении, то могут возникать и этноконфессиональные группы. Так, внутри англоновозеландцев достаточно четко прослеживаются три этноконфессиональные группы: англоновозеландцы-англикане и близкие к ним по вероучению методисты (выходцы из Англии и их потомки), англоновозеландцы-пресвитериане (выходцы из Шотландии и их потомки) и англоновозеландцы-католики (выходцы из Ирландии и их потомки). Человек, прибывающий с Британских островов в Новую Зеландию, вначале включается в одну из этих групп в соответствии со своей этнической и конфессиональной принадлежностью и уж затем интегрируется в состав англоновозеландской нации. Хотя в Новой Зеландии заключается немало «смешанных» браков, при выборе брачного партнера при прочих равных условиях предпочтение чаще отдается представителю идентичной субэтноконфессиональной группы. Сходная ситуация наблюдается и в Австралии, хотя там этноконфессиональная ситуация существенно сложнее.

Похожа и обстановка в англоязычной этнической общности Канады. Что же касается франкоканадцев, то они являются не этноконфессиональной группой канадцев, а отдельным, хорошо осознающим свою самобытность этносом. Это, в частности, показал проведенный в основной части Французской Канады референдум, когда всего несколько тысяч голосов (из миллионов голосовавших) не хватило для того, чтобы Французская Канада вышла из состава современного канадского государства. Характерно, что религия лучше поддерживает этническую идентичность франкоканадцев, чем даже такой важный фактор, как язык (если часть франкоканадцев в какой-то степени подвержена языковой ассимиляции, то в конфессиональном отношении подавляющее большинство франкоканадцев верны своей традиционной вере — католицизму).

В США, где можно встретить приехавших туда представителей сотен народов мира, исповедующих сотни конфессий, естественно, имеется очень большое число разных субэтнических групп, многие из которых имеют не только этнический, но и этноконфессиональный характер (укажем в качестве примера на меннонитов, близких к ним амишей, гуттерцев). Совершенно особое место среди субэтноконфессиональных групп США занимают мормоны. Вероучение этой конфессиональной общности, которое многие американские религиоведы называют маргинально-христианским, настолько отделилось от классического христианства, что этот факт оказывает чрезвычайно большое влияние на многие стороны ее культурной, социальной и семейной жизни. Сохранению этой группы и ее увеличению весьма способствует довольно компактное расселение. В штате Юта, когда-то созданном самими мормонами, они образуют более $\frac{2}{3}$ населения, в соседнем штате Айдахо — около $\frac{1}{3}$. Немалое значение для сохранения мормонской идентичности имеет также жесткая централизация, существующая в основной мормонской конфессии — Церкви Иисуса Христа святых последних дней. В отличие от многих

других субэтноконфессиональных групп, которые стремятся увеличивать свои ряды только за счет естественного воспроизводства (а такая субэтноконфессиональная группа сирийских и ливанских арабов, как друзы, исходя из своего вероучения, вообще запрещает прозелитизм), мормоны ведут активную миссионерскую работу. Особенно результативна их прозелитическая активность в странах Океании, и в ряде этих стран приверженцы Церкви Иисуса Христа святых последних дней в настоящее время составляют существенную часть их населения. Так, на Тонга они образуют 41% всех жителей, Самоа — 37%, Ниуэ — 14%, Кирибати — 8%, во Французской Полинезии — 6% (кроме того, последователи Реорганизованной церкви Иисуса Христа святых последних дней — 4%), на Маршалловых Островах — 5%, Островах Кука — 4%, Палау — 3%, в Микронезии — 2%, Новой Зеландии — 2, Фиджи — 1%. Показывая такое стремление обратить в свою веру возможно большее число океанийцев, мормоны в то же время негативно относятся к неграм, считая, что рождение в черном теле обусловлено тем, что эти существа в период предсуществования душ не отличались верностью и доблестью.

Из сделанного обзора видно, что субэтноконфессиональные общности — нередкое явление в современном мире. Гораздо реже встречаются мегаэтноконфессиональные общности — результат сплочения нескольких сопряженных одной конфессией, близких по культуре и расселенных на смежных территориях этносов и появления у них общего не только конфессионального, но и надэтнического самосознания. На первый взгляд может показаться, что мегаэтноконфессиональными общностями могут считаться любые различающиеся по этническому самосознанию и языку представители одной конфессии, но это не совсем верно.

Говорить о том, что какая-то группа народов стала мегаэтноконфессиональной общностью, можно лишь в том случае, когда эти народы живут на смежных территориях и достаточно близки по культуре. Так, исповедующие ислам арабские народы Юго-Западной Азии и Северной Африки безусловно можно назвать мегаэтноконфессиональной общностью, а вот арабов-мусульман и мусульманские народы Индонезии признать единой мегаэтноконфессиональной общностью нельзя, поскольку у них кроме религии очень мало общего в культуре. Пожалуй, единственный случай, когда объединяющую сотни миллионов последователей религиозную общность можно признать и как общность мегаэтноконфессиональную, — это индуисты. Они действительно представляют собой не только религиозную, но и этнокультурную общность, и эта общность хорошо осознается исповедующими индуизм народами.

Крупную мегаэтноконфессиональную общность представляет собой и современное мусульманское население Пакистана (150 млн человек). Эту общность образуют сблизившиеся в последние десятилетия и приобретшие элементы общего надэтнического самосознания панджабцы (составляют около половины населения Пакистана), близкие к ним сарайки и хиндко, синдхи, так называемые мохаджиры (урдуговорящие мусульманские иммигранты из Индии и их потомки, сосредоточившиеся в основном в городах Карачи и Хайдерабад), пуштуны, белуджи и др. В укреплении единства и появлении общего самосознания и особого надэтнического самоназвания («пакистан») видную роль сыграли частые конфликты между Пакистаном и Индией.

Имеются мегаэтноконфессиональные общности и значительно меньшего масштаба. Выше уже упоминалась одна из таких общностей — моро (около 4 млн человек), объединяющая несколько исповедующих ислам народов в южной части Филиппинских островов: маранао (ланао), магинданао, иранум, якан, таусуг, сама и др. Все эти народы объединяет единая религия и близость культуры. Кроме того, моро тесно связаны совместной национально-освободительной борьбой, которую они ведут на протяжении многих десятилетий.

Ранее этнографы выделяли на Филиппинах еще две группы народов. Первая из них, наиболее культурно развитая и социально продвинутая — это народы Филиппин, давно принявшие христианство и играющие в этой стране наиболее заметную политическую и экономическую роль. К числу таких народов относили тагалов, илоков, ибанаг, пангасинан, самбал, пампанган, бикол, варзй (самар-лейте), себуано, хилигайнон.

Ко второй из этих двух групп относили более полутораста так называемых горных народов, придерживавшихся язычества (калинга, бонток, канканаэй, ифугао, ибалои, гадданг и др.). Народы этой группы сильно отставали от других народов Филиппин по уровню своего хозяйственного и культурного развития. Однако в последнее время положение понемногу меняется, поскольку постоянно идущий процесс христианизации горных народов несколько приближает их к группе христианизированных ранее этносов.

Из краткого обзора этноконфессиональных общностей современного мира видно, что к формированию субэтноконфессиональных и мегаэтноконфессиональных общностей приводили диаметрально противоположные по своей направленности этнические процессы. Если создание субэтноконфессиональных групп было обусловлено процессами этнического разделения, то мегаэтноконфессиональные общности сложились в результате процессов этнического объединения.

**PROFESSOR PAVEL IVANOVITCH PUTCHKOV
(1930—2008)**

E.B. Barinova

Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Science
Leninski pr-t, 32 A, Moscow, Russia, 119991